

МЫ ДО СИХ ПОР НАХОДИМСЯ В ССЫЛКЕ...

Юлия Петровна Белых (Путкинен), финское имя – Люлия, - одна из последних чистокровных представителей редкой ингерманландской народности: уже до Великой Отечественной Войны это ответвление финнов находилось на грани исчезновения. Пройдёт ещё немного времени, и есть вероятность - ингерманландцы полностью исчезнут с лица земли, как утренний туман.

Первый разговор с Люлией произошёл в конце зимы, затем довольно часто приходила ко мне, рассказывала о своей жизни, семье. Ингерманландцы - белое пятно на позорной карте истории тоталитарного периода. Этот период растянулся на долгие годы, вплоть до наших дней. Много ли может вспомнить женщина, которой во время репрессий было всего шесть-семь лет? Оказалось - много. Очень много рассказывала про свою жизнь, вспоминала начало блокадного времени в Ленинграде, муки и мытарства в ссылке. Эта статья - лишь маленькая толика её воспоминаний.

Отец - Путкинен Пётр Матвеевич, 1907 года рождения, работал в строительной организации, был арестован по доносу ещё в 1937 году, - якобы с братом Иваном распространял антисоветскую литературу. Обоих арестовали 27 августа, через месяц - в сентябре дядю Ивана расстреляли. Отца Люлии приговорили к десяти годам и он был отправлен в УстьВымЛаг, в Коми.

Люлия рассказала о письмах отца, - в одном письме были такие строки: «...Нас везут в поезде. Это письмо я сброшу в щель, и если его подберет добрый человек, то оно попадёт к вам...». Отец в тюрьме подвергался пыткам и издевательствам (на фото из архива МВД при увеличении хорошо заметны побои, - гематомы на лбу Петра, затравленный взгляд брата Ивана), были выбиты все зубы. Но при этом отец писал, что уже будучи в лагере, там был хороший начальник, и ему «за добросовестную работу и перевыполнение плана разрешили вставить металлические зубы». В другом письме в начале Нового 1942-го года, было написано: «Маруся, я пошёл добровольцем на фронт»... Тем не менее, уже из архивных данных в 1990-х годах стало известно, что Петр Матвеевич умер в исправительно-трудовом лагере в 1944 году.

До 1942-го семья проживала в деревне Новая Пустошь Всеволожского района, недалеко от Ленинграда. В марте 1942-го вышло постановление о переселении, и уже в июле семью с большой группой репрессированных из Ленинградской области финнов высадили с баржи на пустынном скалистом берегу в Жиганском районе у устья реки Натара, поэтому и поселение назвали так же - Натара. Всё, что им дали на жизнь - это кирпичи и пиломатериалы, которые они сами и выгружали из трюма баржи. Одеты были - кто во что: лёгкие пальтишки, платица, туфли, ботинки; никто из людей даже не предполагал что они будут зимовать в этих местах. Скарб и пожитки, которые им разрешили взять с собой уместились в узелки и чемоданы. Поначалу жили в шалашах, прямо на берегу Лены. Так продолжалось до октябрьских снегов.

Люлии было всего около семи лет, когда их семью репрессировали. Семья: мама Мария Семёновна, сестры: Айно, 10 лет; Хельми, 4 года; братишка Саша в возрасте одного года умер уже в ссылке.

Всего ингерманландских финнов, которых вывезли по дороге жизни из блокадного Ленинграда в Сибирь и Якутию, по приблизительным данным их было 25 тысяч человек. Никто из них даже не предполагал, что их выселяют на смерть. На сегодняшний день ингерманландцев можно сосчитать по пальцам, все они рассеяны по миру.

Люлия рассказывала про жильё, которое они строили на горе: из тонких жердин неумело ставили якутские юрты, закладывали потолок и стены дёрном. Конечно - в жестокие морозы выжило очень мало людей. Кирпичные печки в таких жилищах бесполезны, тепло даёт открытый огонь. Самый лучший обогрев даёт якутский очаг - камелёк, но его надо уметь делать. Были печки, сделанные и из железных бочек. Мужчин было мало, поначалу всё делали женщины - и столы, и

нары. Позже власти прислали мальчиков - учащихся ФЗУ, они довольно профессионально мастерили мебель: столы, топчаны, скамейки. Огромную помощь оказали переселённые в сентябре чурапчинцы¹: их поселение было неподалёку, и они умели строить. Юрты строили длинные, «комнаты» между семьями разделяли тряпичными занавесками, условия были ужасными, нечеловеческими. Дружно с якутами жили: финны им вязали береты, носки, перчатки, а чурапчинцы хорошо делали ичиги, - всем обувь смастерили.

Нужно отметить, что жители Чурапчинского района также в массовом порядке подверглись репрессиям: большинство выслали далеко - в Прибалтику, где, не выдержав климата, и помирали.

Люди умирали - и финны и чурапчинцы: от голода, болезней, холода. В первую зиму некоторое время хлеб пекли, затем только варили муку. Соль, вода, мука. В солдатском котелке, оставшемся от одного моряка, мать варила клейстер. Натуральный клейстер. Так девочки и выжили. Мама ела очень мало, говорила: «Я уже поела...». Все мы очень благодарны маме за то, что она спасла нас от голодной смерти – говорит Люлия.

Школа. Люди умирали и юрты пустели. В 1943 году в одной из опустевших юрт на горе была устроена школа. Люлия помнит учительницу - Евдокия Даниловна Луговая, очень добрая женщина. С утра вела первый и третий классы, во вторую смену - второй и четвёртый. В школе училось около сорока детей. Дети чурапчинских поселенцев учились отдельно, в другом классе.

В школе был директор. Зимой в школе было очень холодно, так что даже чернила в чернильницах замерзали, на переменах нас заставляли двигаться, чтобы не замёрзнуть. Евдокия Даниловна на своих уроках говорила: «Садитесь поплотнее друг к другу, так теплее будет». Разрешала во время занятий спиной к печке прислоняться.

В 1943 году маме от постоянного голодания стало совсем плохо, увели в больницу. Там вылечили, отходили. По воспоминаниям Люлии все люди были похожи на ходячие скелеты, это особенно было заметно в бане, которую сами переселенцы и построили из брёвен. Но в интернате детей стали кормить уже более-менее сносно: лепешки, пелядь, овсянка. В бане мама и заметила у девочек поправку: «Слава Богу, мясо стало нарастать»!

Победа. Однажды учительницу во время урока кто-то вызвал из класса. Вернулась она вся в слезах, плакала навзрыд. Все знали, что её сын на фронте, и, конечно же, первая мысль была - сын погиб! Все детишки её обступили кружком, прижались тесно, и тоже заплакали. Но Евдокия Даниловна сквозь слёзы сказала: «Победа! Бегите домой, радость! Победа! Теперь-то мы вернёмся домой!»

¹ **Чурапчинский улус (район, якут. *Чурапчы улууһа*)** — в Республике Саха, Россия. Административный центр улуса — село Чурапча. В годы Великой отечественной войны произошло насильственное переселение чурапчинских колхозов в три приполярных улуса Якутии, в устье реки Лены, ставшее известным как «Чурапчинская трагедия». По постановлению бюро Якутского обкома ВКП(б) от 11 августа 1942 года «О мероприятиях по колхозам Чурапчинского района» переведено в Кобяйский улус 18 колхозов, в Жиганский — 12 колхозов, в Булунский — 10 колхозов. Целью переселения было улучшение снабжения фронта рыбной продукцией (Постановление ЦК партии и советского правительства от 6 января 1942 года «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке»). Выбор на чурапчинские колхозы пал вследствие их бедственного положения ввиду засухи. Власти таким образом пытались решить две задачи. Но сделано это было топорными методами. В частности, на сбор переселенцам дали менее суток, с собой разрешено было брать только личные вещи, перевозка осуществлялась в непригодных кораблях и баржах, вследствие чего за несколько суток погибло много людей. Место, где предстояло жить переселенцам не была подготовлено, людей просто выгрузили на пустынные берега пронизываемые осенними ветрами. Положение осложнялось тем, что большинство трудоспособных мужчин было призвано на фронт.

Дети схватили тряпочные сумки, над головами ими размахивают, бегут, кричат: «Победа, победа!»! На берегу бочки для рыбы мастерили, и один бондарь говорит: «Чего раскричались, уроки прогуливаете!?!». «Евдокия Даниловна сказала - Победа!»! «Ну, если Евдокия Даниловна, значит, правда»...

Опять голод. В 1945 году всех выживших переселенцев вывезли - на пустынный остров Тит-Ары. Холод, голод. В Тит-Ары прожили два года, в 1948-ом переехали в Якутск.

Война. Что дало возможность выжить в таких нечеловеческих условиях Люлии и её сестрам - конечно же, - сила матери и вера в Бога. Сила матери - об этом много сказано, и всем понятно. Вера в Иисуса Христа как в Спасителя - вот об этом, о вере, к великому сожалению, люди вспоминают, когда им очень плохо, тяжело. Но семья была традиционно христианской, а это значит - готова к тяжёлым испытаниям. Люлия рассказала один случай, это было в начале блокады: «В 1941-ом председатель Новой Пустоши сказал жителям: «Собирайте детей, через три дня всех будут отсюда вывозить». Причина - якобы спасение детей, нужно было вывезти детишек из блокады. А я же маленькая была, наивная, не хотела, чтобы меня с мамой разлучили, говорю всем - и маме и сёстрам: «Давайте «Отче наш» прочитаем, помолимся, и нас не вывезут». Лютеране эту молитву впитывают с молоком матери. Люди, слышавшие это, сперва не поверили такой «наивности», но затем сказали - ведь это ребёнок говорит, всё-таки прислушались. Помолились, и действительно никого не вывезли, семья не распалась. Да и как вывезут? Блокада же началась.

Блокада. Это было страшно. Часто село подвергалось авиационным бомбёжкам, на домах живого места не было: все стены были густо прострелены пулемётными пулями. В неравных боях с многочисленными фашистскими самолётами погибали наши лётчики. Люлия помнит - когда подбивали наши самолёты, лётчики направляли свои машины в лес, в болота. Ни одного случая падения советского самолёта на деревню не было.

Семью реабилитировали только в 1992 году. Позже куда только не обращались, чтобы их вернули на родину, но везде - глухая стена, никакой реакции, никто не слышит. Если это можно назвать реакцией - единственное проявление какой-то реакции - полное бездушие и непонимание власть предержащих, оно и понятно - у них свои заботы - это не секрет. Люлия говорит: **«мы до сих пор находимся в ссылке»**... В спокойном голосе сквозили нотки обиды. Неужели геноцид и гонения народа продолжают по сей день?

Люлия любит свой народ, любит свою родину, любит Бога и верит в Него. Чистую Веру передаёт и детям и внукам. Я спросил её про многочисленные награды на её груди, она ответила просто: «Ветеран тыла», «Снятие блокады Ленинграда», «300 лет Санкт-Петербургу», «900 дней и ночей блокады», и много юбилейных... - как я понял, ей это не интересно: это ничего не даёт.

Довелось разговаривать и с жителями Тикси, работавшими во время войны на заготовках рыбы. Лютой зимой на пустынный берег океана привозили сотни стариков, женщин и детей, одетых в лёгкую одежду, - это были прибалты, много литовцев. Были и такие, что кроме платьев и чулок, вообще ничего не имели. Их попросту бросали на произвол судьбы. Работали в нечеловеческих условиях, ночи проводили в больших деревянных бочках из-под рыбы. Конечно же, умирали.

Даже местным жителям - работникам артелей запрещалось есть выловленную рыбу, что уж говорить о спецпереселенцах. Туберкулез, цинга, ревматизм, гипертония, трахома, язва желудка - неполный перечень болезней. Астма, порок сердца, и многое другое - это даже до сегодняшних дней передаётся по наследству, как среди спецпереселенцев, так и среди местных.

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Республики Саха (Якутия)**

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Гражданин – Путкинен Люлия Петровна

Год и место рождения – 1935 год, Ленинградская область Всеволожский район, д. Н. Пустошь.

Каким органом, когда, на каком основании репрессирована. УНКВД Ленинградской области в 1942 году на основании Решения Военного Совета Ленинградского фронта. 00713 от 9 марта 1942 года.

Куда, на какой срок (направлена на спецпоселение) Якутскую АССР бессрочно, освобождена от спецпоселения в 1954 году по Приказу МВД СССР « О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года.

Гражданка Путкинен Люлия Петровна РЕАБИЛИТИРОВАНА.

7 июля 1992 года.

Зам. Председателя комиссии по реабилитации
жертв политических репрессий В.С. Фёдоров.

Приведу примерный и неполный список спецпереселённых в Якутию по состоянию на 1949 год («от» и «до» - по разным источникам):

- Из Северного Кавказа - чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы - от 450034 до 608749;
- Из Крыма - татары, болгары, греки, турки - от 185707 до 228392;
- Из Грузии - от 154073 до 186874;
- Калмыки - 91919;
- Литовцы - предположительно 40000;
- Немцы - от 1024722 до 1069041;
- Поляки - 32438;
- «Власовцы» - 112862;
- «Оуновцы» - 85391;
- Финны - предположительно 25000;
- Малочисленные народы - 94955;
- «Фольксдойч» - 6705;
- Прибалтика - депортировано в Сибирь и Якутию 1083262 человек, это 29923 семьи;
- «ИПХ» (истинно православные христиане) - от 800 до 1502.

Страшный Список - спецпереселение на смерть без какого-либо суда и следствия...

Многие из этих людей так и остались в Якутии и Сибири на вечное «поселение»: формально «новое время» дало возможность, но большинству попросту - некуда, не к кому, и не на что уезжать. Многие связали свою судьбу с якутами. Термин «спецпереселение» было введено в обиход, чтобы не применять «старорежимное» слово «ссылка». А ни в чём не виновные люди до сих пор находятся в ссылке. Без суда и следствия.

Андрей Брэм